

Сокольник

Аж на горах, на горах крутых,
Ай на шоломах, на горах юкатистых,
Ай-я застали там на за́ставы бога́тыри,
Ай-я берегли-стерегли да стольней Киёв-град.
А не много тут бога́тырей — триццеть три:
А и во-первьых, старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Дунай да сын Иванович,
Ай-я во-третьих, Олешенька Попович блад,
Ай-я в-четвёртых, Добрынюшка Микитович,
Ай-я во-пятых, был тут Васенька Окулович,
Во-шесты́х, Васенька Буслаёвиць,
А и как всех по имени — не высказать,
Ах и как по изотчине — не звеличать.
Ай-я по утру нонь было по раному,
Ай-я старой казак провожаетця,
Ключевой ле водой е умываетця,
Аж он браным полотенцем вытираетця.
Вынимал ле трубочку подзорную,
Он смотрел ле, гледел во чистó полё,
А-на ювидала во чистóм поле доброго молоцца.
Кабы ездит молодец потешаитце:
А-на калёную стрелочку подстреливат,
А на землю ту стрелку не ранивал,
На полёте сам стрелочку подхватыват.
А ще как это старому за беду стало,
За досаду великою показалосе:
«А ще как нас-то, бога́тырей, ничем зовёт,
Как ницем ле зовёт, ни во что кладёт!»
Ай-я говорил ле старой да таковы́ слова́:
«Мы кого же нонь пошлём за молоццем?
Ай-я пошлём нонь Добрынюшку Микитича:
Аж Добрынька у нас да вежлива,
А ще как вежлива роду была, учестлива,
Ёна умеет с людьми съехатьси,
Ёна юмеет с людьми да поздороватьце,

Ёна умеет, Добрыня, людям честь воздать».
А ще как и стал Добрынюшка срезатися,
Ай как скоро наш Микитич сподоблятися,
А берёт своего коня доброго,
А кабы берёт он его за шолкóв повóд,
А налаживал на своего коня шолкóв повóд,
Стремена наступил да на коня скочил,
А да поехал-погонíл во чистó поле.
А да ювидели: во чистóм поле куревá стоит,
Куревá стоит, да дым столбом валíт.
Ён ле скоро пригонíл к добру молодцу,
Говорил Добрынька таковы́ слова́:
«А ще ты здраствуешь, да доброй молодец!
Ты ли ездись, гуляшь, потешаишьсе,
А как ту ле стрелочку постреливашь,
На полети ле стрелочку подхватывашь,
А на землю ту стрелочку не ранивашь,
А ще как наших богатырей ничем зовёшь,
А ничем нас зовёшь, ни во что кладёшь».
А подъезжает ко Добрыньке ко Микитичу,
Снимает со добра́ коня,
Аж как дал на жопу-ту по тэпышу,
На другую дал ему по ёлабышу,
Ай-я посадил Добрыньку на добра коня́:
«Поеждяй назад, Добрынька, на зáставу,
Ты скажи теперь старому Илье Муромцу —
Аж как после старой говном не заменеецца:
Если хочет, пусть евдет во чíсто поле
Побитися со мной, поратися,
Попробовать силы молодецкия».
Ай-я приехал Добрынька ко белу шатру,
А и тут стал Добрынька рассказывать.
А ю старóго тут очи ясны помутилисе,
Могуче плечи его да росходилисе,
А ще как и стал старóй скоро срезатися,
А и скоро ле старóй стал сподоблятися.
А-на берёт свою приправу да богатырскую,
А и как сабельку берёт ён булатною,
Ай-я копеицо берёт да бурзамецкоё,

А бурзамецкоё копеицо да долгомерное,
Ай-я палицу ту буёвую,
Ай да стал ён тут седлатъ коня добраго,
А наложивал седёлышко черкальчето,
А-на ле клал на брюхо пять подпругов,
А и шестой он полóжил через хребетину,
А и не для ради бáсы — ради крепости,
Штоб не оставил добрый конь во чистóм поли.
Ай-я и стрёмена наступил, на коня скочил
А ще и отправилса-поехал во чистó полё.
А-на ювидели: во чистóм поли куревá стоит,
Куревá то ле стоит, дым столбом валит.
А и да скоро пригонíл к добру молоццу,
А еще сразу ле с ним съехались
Как на те нонеце сабельки булатные.
Ани бились тут, махались, добры молоццы —
Ай-я по насадоцкам сабельки измахалисе.
Ай-я во вторóй раз ребята еще съехались
Как на те нонеце копеица долгомерныя —
Ай-я копеица да те изломалися,
По насадочкам копеица да извихалисе.
Ай-я они съехались на палицы буёвые —
А ще как палицы опять у них сломалисе,
По насадочкам они извихалисе.
Ай-я скоцили робята со добры́х коней,
И схватились они на рукопалочку.
А ще бились тут робятушки, боролисе,
А кабы бились тут робятушки трое суток —
Ай-я до колена о землю прибилисе.
Ай-я по старому бесчастью по великому
Кабы правая нога подскользилася,
Кабы левая рука а опустилася,
Как а упал ле старой на мать сыру землю.
Налетел Сокольник ему на белы́ грудí,
А-на выхватывал кинжал свой булатный нож,
А-на взмохнул тут старому во белы́ грудí —
А ле старому по бесчастью по великому,
Ай-я попало старому во чуден крест.
Ай-я взмолилса старой Богородице:

«А ще ты, пресвета мати Богородиця,
А ще ты выдала меня да на поруганьё,
Ай-я на поруганьё, на покор?»
Ай-я лежит старой, сам чувствует —
А ще как много силы прибыло.
Ай-я стрепеснулса старой, как белой куропат,
А ще скочил старой, да стал на резвыё ноги,
А ще хватил Сокольника за жолты кудри,
А и подымал ёго выше буйной головы,
А опустил его на матушку на сыру землю,
А и садилса старой ему на белы груди.
Ай-я вынимал кинжал свой булатной нож,
А-на взмахнул своей рукой правое —
Ай-я завид рука у старого застоелоса,
А ще говорил ле старой да таковы слова:
«А ще ты ой еси, юдалой молодец,
А ще коей ты земли да коего города,
А ще которого ты отца, которой матушки,
А ще как тя, молоцца, ёменём зовут?»
Ай-я говорит Сокольник, ответ дёржит:
«Кабы я был у тя на белых грудях,
Я не спрашивал ю тя роду-племени,
Я не спрашивал ю тя да ётца-матушки,
Есле хочёшь, пори мои белые груди».
А ще взмахнул старой во второй након —
А ще в локтю у его рука застоеласе,
А ще говорил ле тут старой да таковы слова:
«Да ты гоё еси, юдалой доброй молодец,
А ще которого отца, которой матери,
А уж как отця именём зовут?»
А ще говорит ле Сокольник, ётвет дёржит:
«Кабы был я когда у тя на белых грудях,
А ще не спрашивал ю тя роду-племени,
А не спрашивал ю тебя отца-матушки,
Есле хочёшь, пори мои е белы груди».
Ай-я взмахнул ле старой на третей раз —
А ще в плече у его рука застоелосе.
А ще говорил ище старой, его спрашивал:
«А ще ты ой еси, удалой молодец!

А ще как тя, молоцца, да ле именем зовут,
А ще как тебе величают по ётечеству?»
А говорит ему Сокольник, ётвет дёржйт:
«А зовут меня, да добра́ молоцца,
Аж зовут-то меня, право, Сокольниковом.
А ще как есь у меня матушка родимая,
А ще как та нонече, право, Златыгорка».
А берёт его старой за праву́ руку,
А ще целуёт его в уста ле да во сахарные,
А ще называет его, право, своим сыном,
Аж как тут молоццы да ле помирились,
А ще назвались они братьема ронными-та,
А ще поехали теперь долеко ко белым шатрам.

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.